

Мюррей Ротбард

ГОСУДАРСТВО, ДЕНЬГИ И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК

Ⓢ \$ 1.00 in 1913

Мюррей Ротбард

Государство, деньги и центральный банк

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54970099

М. Ротбард. Государство, деньги и центральный банк: ООО «ИД

«Социум»; Москва; 2020

ISBN 978-5-91603-684-8

Аннотация

Публикуемые в настоящем издании две книги М. Ротбарда «Государство и деньги» и «Показания против Федерального резерва» являются лучшим введением в проблемы денежного обращения. В первом очерке автор показывает, что деньги возникают в ходе добровольных обменов на рынке, никакие общественные договоры или правительственные эдикты не создают деньги, что свободный рынок следует распространить на производство и обращение денег. Начав с рассмотрения классического золотого стандарта XIX в., автор завершает свое исследование анализом вероятного появления европейской денежной единицы и возможного мира декретных денег. В послесловии Г. Хюльсманн продолжает анализ с того пункта, где закончил Ротбард и доводит его до 2001 г., до появления евро.

По его мнению, рано или поздно выстраиваемую сегодня систему единой Европы ждет крах.

Второй очерк начинается с краткого рассмотрения теории денег и банковского дела, а затем освещает ключевые моменты открытой и закулисной истории создания Федеральной резервной системы. Автор описывает борьбу между конкурирующими элитами и их объединение для достижения общей цели – создания ФРС, центрального банка США.

Содержание

Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества	8
Предисловие к первому русскому изданию	9
Предисловие к четвертому изданию	21
Введение	26
Глава I. Деньги в свободном обществе	30
1. Значение обмена	30
2. Бартер	32
3. Косвенный обмен	33
4. Значение денег	38
5. Денежная единица	40
6. Форма денег	44
7. Частный чекан монет	46
8. Проблема «правильного количества» денег	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мюррей Ротбард

Государство, деньги и центральный банк

Murray N. Rothbard

What Has Government Done To Our Money?

The Case Against the FED

© ООО «ИД «Социум», 2016

* * *

...из множества способов организации банковского дела худшим является тот, который мы имеем сегодня... Другой, более фундаментальный пример [банковской реформы] состоит в отделении платежной системы от рискованного кредитования – то есть недопущение банковского дела с частичным резервированием... Предложение исключить возможность банковской деятельности с частичным резервированием прямо признает: претензии на то, что безрисковые депозиты могут быть обеспечены рискованными активами, есть алхимия.

Мервин Кинг, управляющий Банка Англии, 25 октября 2010 г.

Нам необходима система, которая будет включать доллар, евро, иену, фунт стерлингов, юань и развиваться в сторону интернационализации и открытия рынков. Эта система должна, видимо, включать золото как международный стандарт, который будет служить показателем ожидаемого рынками уровня инфляции.

Роберт Зеллик, президент Всемирного банка, 8 ноября 2010 г.

Золотой стандарт [заставляющий страны обеспечивать свои валюты золотыми слитками] – вполне «законная» денежная система. Частота кризисов не обязательно сократится. Но периоды ценовой стабильности или стабильности уровня цен будут длиннее; однако я не знаю, будет ли ниже безработица или количество банковских банкротств.

Томас Хенинг, президент Федерального резервного банка Канзаса, 5 января 2011 г.

В настоящий момент мы имеем систему декретных денег, которая, в сущности, представляет собой деньги, печатаемые государством, и эти полномочия обычно возложены на центральный банк. Должен существовать механизм, который ограничивает количество производимых денег, типа золотого стандарта или валютного комитета, потому что если такого механизма нет, то, как показывает история, воз-

никает инфляция, оказывающая пагубное влияние на экономическую активность... Многие из нас, включая меня, были твердо уверены, что США отлично чувствовали себя в период с 1870 по 1914 г., в условиях золотого стандарта.

Алан Гринспен, председатель совета управляющих Федеральной резервной системой США в 1987–2006 гг., 21 января 2011 г.

В современном мире невозможно привязать валюты ни к одному металлу, или сырьевому ресурсу, или какому-то другому ресурсу. Это уже прошлый век валютных систем... Они должны быть гибкими, эти валютные курсы, а это значит, что не будет жесткой привязки к каким-либо натуральным ресурсам типа золота... Мне кажется, что в будущем, по мере глобализации экономики, важность создания корзины мировых валют возрастет. Но к этому мы будем идти много лет.

А. Л. Кудрин, министр финансов Российской Федерации, 12 ноября 2010 г.

Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества

Печатается по изданию: *Ротбард М.* Государство и деньги. 3-е изд. Челябинск: Социум, 2008. Пер. с англ. А. Куряева, Гр. Сапова, Е. Филипповой; пер. с франц. Ю. Школенко; научный редактор Гр. Сапов.

Предисловие к первому русскому изданию

Предлагаемая вашему вниманию книга американского экономиста Мюррея Ротбарда (1926–1995) о деньгах, без сомнения, будет с огромным интересом прочитана теми, кто интересуется феноменом денег, и ничего не знает о теоретических баталиях по этому поводу. Экономисты, получившие общее экономическое образование, а также, возможно, некоторые историки, прочтут ее с удивлением и, скорее всего, с немалой долей раздражения. Я думаю, знай Ротбард, что он удовлетворил любопытство интересующихся и рассердил ученых-экономистов, он был бы доволен (хотя, повторю, это – целиком и полностью мой домысел).

По своим научным взглядам Ротбард принадлежит австрийской школе экономической мысли. Эта школа была когда-то знаменита на весь мир, затем ее постигло почти полное забвение, а сегодня она вернула себе научный престиж и медленно, но верно становится известной широкой публике. Одним из признаков роста этой известности стало предлагаемое – второе – издание книги, которую вы держите в руках.

«Австрийской» эта школа, возникшая в последней четверти XIX в., называется потому, что ее основатель и его ближайшие последователи были австрийцами. Работы этих авторов (Карла Менгера, Ойгена Бен-Баверка, Фридриха

фон Визера и других) были переведены на итальянский, французский, шведский и английский языки, и на рубеже XIX–XX вв. оказывали сильнейшее влияние на ту ветвь мировой экономической мысли, которая не разделяла социалистических взглядов. К началу 1930-х годов, когда вышли работы представителей второго поколения австрийской школы, она стала влиятельной и признанной, однако затем угасла, попав под набиравший мощь водопад кейнсианских работ. После войны 1939–1945 гг. кейнсианство, сумев приспособить для своих нужд доминировавшую ранее неоклассическую традицию, на долгие годы стало господствующей философией экономистов, государственных служащих, журналистов и широких слоев общественности западного мира. Австрийская школа, казалось, умерла (ученик Ротбарда, американский экономист Уолтер Блок, писал, что в 1965 г., готовясь к защите Ph.D. по экономике в Колумбийском университете, он ничего не слышал о существовании этого направления экономической мысли до своего личного знакомства с Ротбардом).

Именно в конце 1940-х годов происходит знакомство автора предлагаемой книги с величайшим экономистом и социальным философом XX в., лидером австрийской школы Людвигом фон Мизесом (1881–1973). Л. фон Мизес, переехавший в США в 1940 г., работал тогда над подготовкой к изданию своего главного труда «Человеческая деятельность» (русский перевод вышел в издательстве «Экономика»

в 2000 году, в настоящее время издательство «Социум» готовит его второе издание). Кроме того, по своей многолетней, еще венской привычке, Мизес вел семинар, организовав его при Школе бизнеса Университета г. Нью-Йорк. Этот семинар и стал посещать, начиная с 1947 г., Мюррей Ротбард – тогда молодой математик, получивший вдобавок магистерскую степень по экономике, выпускник Колумбийского университета, куда более престижного нью-йоркского высшего учебного заведения. С этого семинара началась долгая и успешная научная и общественная карьера Ротбарда.

Приняв решение о необходимости получения Ph.D. по экономике, Ротбард выбрал своими наставниками Мизеса и одного из лучшего американского специалиста по истории экономической мысли Джозефа Дорфмана, профессора Колумбийского университета (Мизес, отношение к которому в академической среде было по меньшей мере сложным, не имел формального права быть научным руководителем). Во время подготовки и после защиты диссертации он пишет и публикует одну за другой теоретические статьи, а в 1963 г. издает фундаментальный трактат по экономической теории «Человек, экономика и государство». Перу Ротбарда принадлежат также много раз переиздававшаяся «Великая депрессия в Америке», четырехтомник по экономической истории колониального периода и войны за независимость США, «Власть и рынок» (русское издание 2003 г.), «Этика свободы», двухтомная «История экономической мысли: ав-

стрийский взгляд» и другие книги. Всего за 45 лет активной научной, преподавательской и общественной деятельности им написано 25 книг и тысячи статей, в том числе более пятисот в академическом формате.

В 1982 г. Ротбард организует (при поддержке вдовы Мизеса, Маргит фон Мизес, а также видного американского публициста Генри Хэзлита и ученика Мизеса, занимавшегося у него еще в венском семинаре, Фридриха Хайека) Институт Людвиг фон Мизеса, возглавляет редакцию *Austrian Economics Review*, выступает в печати по актуальным проблемам экономической политики.

Книга «Государство и деньги» впервые вышла в 1964 г. Она переведена на многие языки мира и неоднократно переиздавалась в США. Русский перевод дополнен работой нового, уже пятого поколения экономистов австрийской школы, немецкого ученого Гвидо Хюльсмана, в которой события денежной истории прослежены от второй половины 1970-х годов до рубежа XX–XXI вв.

Заслуги австрийской школы велики и многообразны. Поставив во главу угла человеческую индивидуальность, эти экономисты обнаружили единство логики любой человеческой деятельности. Чем бы ни занимался человек, он действует целенаправленно и намерено, его усилия имеют неустранимую духовную компоненту. Мы можем постичь намерения других людей, глядя на то, что они фактически делают. Люди могут ошибаться – и не только потому, что

не знают всех законов природы, но и потому, что оценки и планы людей изменчивы. Все многообразие человеческих мотивов и целей базируется на едином принципе: *человек действует, желая изменить улучшить ситуацию так, как он это понимает это улучшение*. Из этой аксиомы австрийцы выводят всю экономическую конкретику. Экономическая наука в их изложении перестает быть собранием никак не связанных осколков эмпирии, хаотически перемешанных с линейным программированием, математической статистикой и жалкими пародиями на законы термодинамики. Однако, приобретая цельность, экономическая теория в исполнении австрийской школы лишается статуса идеологического, «научного» оправдания сменяющих друг друга авантюр в области экономической политики. С ее помощью невозможно ни оправдать инфляцию, ни указать верные «точки роста», способные будто бы обеспечить некие «прорывы», ни освятить научным авторитетом какие-то другие волшебные способы обеспечить экономический рост ценой – всего-навсего – насильственного перераспределения к общему благу чужой собственности группой лиц, называющих себя государством.

Важнейшим частным случаем человеческой деятельности является обмен. Пристальное внимание австрийской школы к обмену объясняется теоретической прозорливостью и любопытством ее основателей. *Обмен – это добровольный акт, в ходе которого стороны отказываются от того, что*

ценят меньше, получая то, что ценят больше. Обмен позволяет человеку получить то, чего у него нет. Но это не единственный способ. Альтернатива обмену – насилие или изолированное существование. Насилие имеет для многих некое обаяние. Скажем, дети часто, насмотревшись кино, играют в войну или в гангстеров. Но, вырастая из детского возраста, люди, – кто раньше, кто позже, – начинают понимать: для того, чтобы насилие обеспечивало одних булками, свежими сорочками, мерседесами, электролампочками, сменными лезвиями для бритвы, не говоря уже о штанах, другие должны произвести эти мерседесы и штаны. Изолированное существо при известной сноровке, конечно, может, затратив изрядное время, произвести булку или штаны. Но вот производство электролампочек (не говоря уже о мерседесах и жигулях) для изолированного человека более проблематично. *Обмен расширяет и углубляет разделение труда и специализацию, обеспечивая на этой основе накопление капитала, который не только умножает человеческие усилия, но и делает возможным то, что невозможно для изолированного человека.* Обмениваясь, люди сотрудничают. Сотрудничая, они получают гораздо больше, чем враждуя. Когда эта нехитрая мысль была усвоена сильными мира сего, вдруг выяснилось, что для того, чтобы понежиться под солнцем, северянам вовсе не обязательно завоевывать южан. Достаточно купить билет на самолет и снять номер у моря. Южанам тоже больше не улыбается перспектива ежегодных набегов

на северные города с целью увода в рабство изготовленных на севере автомобильных стад. Обмен продуктивен именно потому, что каждый отдает то, что ценит меньше, получая то, что ценит больше. Особенно эффективен обмен, осуществляемый с помощью денег.

На первый взгляд, деньги обеспечивают пусть удивительно простой и изящный, но всего лишь способ некой рационализации обмена. Теперь не нужно искать всех, кто согласен участвовать в длинных и нестабильных обменных цепочках — появляется возможность продавать и покупать. *Деньги — универсальное средство обмена, являющееся таковым в силу известности этого факта и привычки к нему.* Однако эта простота денег закрывает от нас факт совершенно революционной трансформации мира, знающего деньги, по сравнению с миром, обменивающегося вещами напрямую. Появляются денежные цены и возможность предварительного расчета своих действий. Цены указывают нам и наши возможности, и интенсивность спроса на наш труд или товары. Полагая цены более или менее постоянными, мы начинаем по-иному организовывать свои действия. То, что ценится выше, бросает обратный ответ на то, что нужно для его производства. Не потому золото дорого, что тяжел труд старателя — старатель идет на тяжелый труд, потому, что золото дорого.

Действуя так, чтобы достичь своих целей, в чем бы они ни заключались, человек всегда опирается на некие известные ему факты и параметры настоящего. Кроме того, он считает,

что эти причинно-следственные связи, соединяющие факты в его сознании между собой, эти параметры или, по крайней мере, их соотношения, сохранятся в будущем. Булка вряд ли будет стоить дороже мерседеса завтра, если она стоила много дешевле сегодня, и если система цен не разрушится.

Будущее, однако, не предопределено. Истрачиваются горы долларов и рублей на маркетинговые исследования и «научные» прогнозы, однако банкротства в бизнесе от этого никуда не деваются. Нечто произведено, а спроса нет, причем, это обидным образом выясняется апостериорно, когда ресурсы затрачены. Великий механизм рынка безошибочно указывает, что именно общество признаёт за результат, но только после того, как результат предъявлен. Покупая товары и услуги, или отказываясь от покупки, люди голосуют рублем. Под ударением здесь слово «люди» – из оценки переменчивы, их вкусы непостоянны. Покупатели лишь своими фактическими действиями показывают производителям, что именно они считают более ценным, чем истраченные ресурсы, а про что думают – это не стоит сожженного топлива и глянца рекламных страниц.

Итак, будущее чревато убытками. Но именно поэтому оно чревато и прибылью. Предприниматель получает вознаграждение не потому, что он хороший человек. И не потому, что он паук-кровопийца. И не потому, что он создал рабочие места. Предприниматель создал рабочие места потому, что он полагает – произведенное будет больше цениться людьми,

чем истраченное при производстве. *Прибыль – выигрыш в споре с неопределенностью будущего*, а сама эта неопределенность есть неотъемлемое следствие человеческой деятельности. Человек действует, желая изменить ситуацию к лучшему, так, как он это лучшее понимает – и поди объясни ему, что эти ботинки хороши, а эти автомобили лучше тех. Прибыль – честный заработок, а бизнес – честный спорт, пока продавец не заставляет покупать силой. Но тогда это деяние не покупка, а предприниматель – не предприниматель, а всего лишь грабитель. «Всего лишь» – потому что предприниматель, кроме того, что он выносит суждение о будущем, имеет волю и храбрость, которая и не снилась грабителям – он действует в соответствии со своим представлением о том, что будет, когда он организует производство и выйдет к покупателям с товаром, не имея возможности заставить их признать этот товар более ценным, чем деньги покупателя. Покупка – это частный случай обмена, а обмен, как мы уже знаем, есть добровольный акт, в ходе которого стороны отказываются от того, что ценят меньше, получая то, что ценят больше.

Действуя на рынке, люди ориентируются на рыночные цены. И когда мы действуем как предприниматели, и когда – как покупатели, мы рассчитываем на некую структуру цен. За газету вчера я платил десять рублей, а за пакет молока – двадцать. Вряд ли завтра за газету я буду платить сто рублей, а за пакет молока – пять. Мы понимаем, что газета, которую

мы хотим пролистать, стоит столько-то, а газета, которую мы хотим купить как налаженное производство и бренд – столько-то. Денежные цены – это количества денежных единиц, которые нужно отдать в обмен за нужные нам товары и услуги. От того, насколько система цен отражает всю совокупность представлений о сравнительной ценности товаров, напрямую зависит то, что будет производиться, а что нет, сколько усилий будет затрачено на производство штанов, а сколько – на производство электролампочек или газет. Силовое вмешательство в эту систему, даже с самыми благими намерениями, чревато быстрым распадом всей кажущейся такой незыблемой и устойчивой современной цивилизации. История показывает, что от фиксации хлебных цен до хлебных бунтов проходят не годы, а месяцы. Мерседес при определенных обстоятельствах вполне может оказаться не дороже булки (я, правда, надеюсь этого не застать, хотя и равнодушен к автомобилям).

Политическому классу гораздо более соблазнительным кажется не трогать цены, а раздавать деньги. Однако, чтобы нечто раздавать, нужно это откуда-то взять. В современном обществе, основанном на демократических процедурах, этот способ аккумуляции раздаваемого имеет довольно очевидные ограничения. Заслуга Кейнса состоит в том, что он сформировал у политического класса убеждение, будто экономическая наука знает способ раздавать деньги, ни у кого их не отбирая. После семидесяти лет распространения и гос-

подства кейнсианства в теории и все более широкого применения на практике, политический класс на Западе стал подозревать, что здесь что-то не так. В нашей стране обаяние кейнсианства, однако, по-прежнему велико. Возможно, причина этого в неизжитых иллюзиях нашей общественной мысли 1960–1980-х годов. Социализм желателен и возможен, только нужно переименовать его, отказавшись от наиболее одиозных, «некультурных» форм. Тогда, переведенный на русский язык еще в советское время Кейнс, немало способствовал утверждению этого умонастроения. «Вот, можно же, то же самое, но как-то... по-человечески, с использованием товарно-денежных отношений. Государственные программы, общественные работы, управление денежной массой наконец».

Однако неверный путь остается неверным вне зависимости от того, прямой он, как марксистская стрельба по классовым врагам, или кружной, как кейнсианское или монетаристское манипулирование денежной системой. Это – путь в тупик. Одной иллюзией, правда, стало меньше. Теперь, когда мы не изолированы от мира, оказалось, что на этом пути стоят более или менее все. Многозначное лукавое «мы» опять поменяло свое значение. Мы теперь в большей степени – мы все. И скучные европейские бюрократы, и всемогущие владыки из экзотических стран, и мы, которые тут живем, – это теперь мы все.

На каком отрезке этого пути *мы все* находимся и как *мы*

все здесь оказались? Можно ли – хотя бы теоретически – пойти другой дорогой? Один из вариантов ответа на этот вопрос дает книга Мюррея Ротбарда, предлагаемая читателю.

*Гр. Сапов,
февраль 2004 г.*

Предисловие к четвертому изданию

Если не считать войн, то денежная политика является главным способом усиления государственного вмешательства в экономику. С ее помощью осуществляется разрастание государственного аппарата, финансируется дефицит государственного бюджета, вознаграждаются группы специальных интересов и ведется предвыборная борьба. Без денежной политики рухнет федеральный Левиафан, и мы сможем вернуться к республике, построенной на принципах отцов-основателей.

Кроме того, наша денежная система не только политически коррумпирована, она также порождает инфляцию и экономический цикл. Что здесь можно сделать?

В качестве ответа на этот вопрос Институт Людвига фон Мизеса рад представить вниманию читателей четвертое, дополненное издание классической работы Мюррея Ротбарда «What Has Government Done to Our Money?»

Впервые опубликованная в 1964 году, эта книга является одним из первых произведений проф. Ротбарда, оказавших существенное влияние, несмотря на свой небольшой объем. Невозможно подсчитать сколько раз читатели, как экономисты, так и не экономисты, говорили мне о том, что эта небольшая книга раз и навсегда изменила их взгляд на денежную политику. Прочитав эту работу, уже невозможно ис-

пытывать благоговейный трепет, выслушивая заявления служащих Федерального резерва. Невозможной становится и та доверчивость, с которой люди, не читавшие ее, относятся к бесчисленным статьям по денежным вопросам. Предлагаемая вашему вниманию книга Ротбарда – несомненно, лучшее введение в денежные вопросы. Как и для других работ профессора Ротбарда, для нее характерны ясность изложения и неотразимость выводов и фактов.

В книге затронуты экономико-теоретическая, политическая и историческая проблематика. В области экономической теории автор разделяет позицию Людвига фон Мизеса, согласно которой деньги как экономический феномен возникают в процессе добровольных рыночных обменов. Никакой общественный договор или правительственное постановление не состояниии *создать деньги*. Они появляются как следствие поиска людьми таких форм добровольных экономических отношений, которые были бы более удобными, чем бартер. Увеличение совокупного запаса денег, имеющих у всех членов общества, в отличие от увеличения совокупного количества товаров и услуг, не сопровождается увеличением общественных выгод. Деньги лишь облегчают обмен товарами и услугами. Если же совокупное денежное предложение увеличивается учреждением центрального банка (каковым является Федеральный резерв), то это влечет за собой совершенно разрушительные последствия. В книге профессор Ротбард дает самое ясное и исчерпывающее объ-

яснение феномена инфляции и анализ ее последствий.

Анализ экономической политики, проводимый автором, приводит к выводу, согласно которому принципы свободного рынка можно и нужно распространить на «производство» денег и процесс их распространения по обществу. Нет никакой необходимости оставлять это в монопольном ведении министерства финансов США, не говоря уже о картеле частных банков с государственным участием и поддержкой, каковым является Федеральный резерв.

Для того, чтобы деньги хорошо работали, необходимо все-го-навсего фиксированное определение денег.

В такой денежной системе свободного рынка исчезает проблема конвертируемости – деньги, определенные таким образом, являются по определению конвертируемыми как внутри страны, так и за рубежом. Депозиты до востребования, чековые счета и т. п. возможны только в случае 100-процентного обеспечения резервами, а для срочных вкладов структура резервов определяется экономическим благоразумием конкурирующих между собой банкиров и бдительностью потребителей их услуг.

Однако, главное в книге проф. Ротбарда – ее исторический контекст. Начав с классического золотого стандарта XIX века, автор завершает свое исследование изучением последствий введения единой европейской валюты и мира неизменных денег. Особого внимания заслуживают его анализ Бреттон-Вудской системы и ликвидации «золотого окна»

в начале 1970-х годов.

Исследование профессора Ротбарда показало, что всегда и всюду государство является противником устойчивых денег. С помощью банковских картелей и инфляции группы частных лиц, называющие себя «государством» грабят людей, уменьшают ценность имеющихся у них денег и провоцируют спад и депрессию в экономике.

Значительная часть этих выводов отрицается или игнорируется основным течением («мейнстримом») экономической науки. В работах мейнстрима упор всегда делается на то, как «нам» лучше всего «использовать» экономическую политику. На какие показатели роста должен ориентироваться Федеральный резерв, планируя денежное предложение? На динамику ВВП? На процентные ставки? На кривую доходности? На изменение курса доллара к иностранным валютам? На индекс товарной биржи? Профессор Ротбард ответил бы, что во всех этих вариантах предполагается существование централизованного денежного планирования, а значит ответы на эти вопросы не имеют значения. Ведь именно такое планирование и *порождает* все те проблемы, решить которые мейнстрим предполагает, ставя эти вопросы, именно оно и является корнем и причиной многочисленных зол.

Пусть как можно более широкое распространение этой книги поможет тому, что американцы при следующих денежных кризисах перестанут мириться с тем, что государство делает с денежной системой общества.

*Л. Роквелл,
президент Института Людвига фон Мизеса,
Оберн, Алабама (США),
ноябрь 1990 г.*

Введение

Деньги представляют собой одно из самых сложных для понимания экономических явлений. Какой экономической политики, – жесткой или мягкой – следует придерживаться? Какую роль должны играть Федеральная резервная система и министерство финансов? Какими были и какими могут быть различные варианты золотого стандарта? По всем этим вопросам ведутся жаркие споры. Должно ли государство накапливать деньги в экономику или, наоборот, оно должно «откачивать» их из нее? Какой именно государственный орган должен этим заниматься? Должно ли государство стимулировать кредит или оно обязано сдерживать его? Следует ли вернуться к золотому стандарту? Если «да», то по какому курсу? Кажется, нет конца этим и аналогичным вопросам, и их число непрерывно растет.

Возможно, причиной имеющейся путаницы в воззрениях на деньги является неверно понимаемое стремление человека *«быть реалистичным»*, то есть проявлять интерес только к тем политическим и экономическим проблемам, которые в данный момент являются наиболее острыми. Стоит погрузиться в текущую экономическую проблематику, как очень скоро выяснится, что упуская из виду главные, фундаментальные проблемы, мы не в состоянии сформулировать по-настоящему важные вопросы. Без глубокого понимания ос-

нов мы оказываемся беспомощными в потоке быстро сменяющихся друг друга событий. Без такого понимания коренные проблемы денежной системы отступают на второй план, а последовательная денежная политика сменяется бесцельным дрейфом.

Для лучшего понимания вещей порой необходимо подняться над повседневностью, увидеть перспективу. В особенности, это верно применительно к современной экономической системе. Для нее характерно наличие огромного числа чрезвычайно сложных взаимосвязей. Чтобы понять их, нам придется мысленно выделить и проанализировать несколько самых важных факторов, а затем проследить, как они действуют в реальном мире. Именно в этом состоит смысл «метода Робинзона Крузо», любимого приема классической экономической теории.

Этот интеллектуальный прием, когда анализу подвергается искусственная ситуация – взаимоотношения Робинзона и Пятницы на необитаемом острове – является объектом ожесточенных нападков многочисленных критиков. Они указывают на неприменимость выводов, полученных в ходе такого анализа, к сегодняшней действительности. Однако этот прием выполняет очень полезную и чрезвычайно важную функцию. Он проясняет действие основных аксиом человеческой деятельности.

Поскольку деньги – самое сложное из всех экономических явлений, именно здесь мы более всего нуждаемся в широ-

кой перспективе. Кроме того, именно деньги – это та область экономики, на которой искажающее воздействие государственного вмешательства, имевшее место в течение столетий, сказалось в наибольшей мере.

Многие экономисты, приверженные идеям свободного рынка в принципе, приступая к исследованию феномена денег, впадают в своеобразный интеллектуальный столбняк. Деньги, говорят они, это «другое дело». Предложение денег должно обеспечиваться государством. Государство, согласно их воззрениям, не обязано регулировать экономику, но должно регулировать денежную систему. Государственное регулирование денежной сферы не считается ими вмешательством в свободный рынок. Эти экономисты не могут согласиться с тем, что выводы, справедливые для свободного рынка в целом, применимы также и деньгам. По их мнению, именно государство и только оно должно чеканить монету, выпускать бумажные деньги, декретировать «узаконенное средство платежа», создавать центральные банки, накачивать деньги в экономику (и «откачивать» их оттуда), поддерживать «постоянный уровень цен» и т. п.

Исторически деньги действительно были одним из первых объектов контроля со стороны государства, и революция свободного рынка XVIII–XIX вв. не изменила ситуацию в денежной сфере коренным образом. Поэтому давно пора основное внимание сосредоточить на денежной системе. Она поистине так же важна для бизнеса, как система кровообра-

щения для человека.

Прежде всего давайте зададим себе вопрос: можно ли организовать денежную сферу, полагаясь на принцип свободы экономической деятельности? Можем ли мы иметь свободный рынок денег, такой же, какой мы имеем в случае других товаров и услуг? Как будет выглядеть такой рынок? К каким последствиям приведет его государственное регулирование? Если мы приветствуем свободный рынок в других областях, если мы стремимся устранить вмешательство государства в дела частных лиц и права собственности, то у нас нет более важной задачи, чем исследовать способы функционирования свободного рынка в денежной сфере.

Глава I. Деньги в свободном обществе

1. Значение обмена

Как возникают деньги? Понятно, что Робинзону Крузо на необитаемом острове деньги были не нужны. Он не мог питаться золотыми монетами. Даже если бы Робинзон обменивался с Пятницей, например, получая рыбу в обмен на доски, они оба могли не беспокоиться по поводу денег. Ситуация, при которой могут возникнуть деньги, имеет место, только когда общество расширяется за пределы нескольких семей.

Чтобы уяснить себе смысл существования денег, мы должны вначале понять, почему люди вообще занимаются обменом? Ведь обмен лежит в основе денег и всей экономической жизни. В сущности без обмена не было бы общества.

Очевидно, что добровольный обмен возможен потому, что каждая сторона ожидает, что в результате она извлечет какую-то выгоду, улучшит ситуацию по сравнению с ситуацией, существовавшей до обмена.

Обмен означает наличие соглашения между A и B о передаче товаров или услуг, принадлежащих одному человеку, A , за товары и услуги другого человека, B . Очевидно, что это выгодно обоим, поскольку каждый из них ценит то, что получает, больше, чем то, от чего отказывается. Скажем, ко-

гда Робинзон меняет некоторое количество досок на рыбу, то рыбу, которую он «покупает» у Пятницы, он ценит больше, чем доски, которые «продает». В то же время Пятница, напротив, ценит доски больше, чем рыбу.

От Аристотеля до Маркса люди ошибочно полагали, что обмен предполагает *равенство ценности*. Если одна сеть рыбы меняется на десять досок, думали они, то между этими предметами существует какое-то внутреннее единство. На самом деле обмен и был-то произведен только потому, что каждая сторона *ценила* эти два блага *по-разному*.

Главной причиной такой широкой распространенности обмена является огромное природное разнообразие. Каждый человек обладает своим уникальным набором талантов и способностей. Каждый участок земли отличается своими уникальными характеристиками, своими специфическими ресурсами. В основе обмена лежит факт этого внешне-го, данного природой разнообразия. Люди меняют пшеницу Канзаса на железо Миннесоты, медицинские услуги на мастерство скрипача. Специализация дает возможность каждому человеку развивать свои таланты, а каждому региону – использовать его специфические ресурсы. Если бы никто не мог обмениваться, если бы каждый человек был вынужден полагаться только на самообеспечение, большая часть человечества умерла бы от голода, а оставшиеся с трудом поддерживали бы существование. Обмен является источником жизненной силы не только экономической деятельности, но

и самой цивилизации.

2. Бартер

Прямой обмен полезными товарами и услугами смог бы только поддерживать экономику на уровне чуть выше первобытного. Такой прямой обмен, или бартер, едва ли эффективнее самообеспечения. Почему? По одной-единственной причине: очевидно, что при этом могло бы производиться очень мало продукции. Если существует только бартер и Джонс нанимает рабочих, чтобы построить дом, то чем он будет с ними расплачиваться? Частями дома? Неиспользованными в ходе строительства стройматериалами?

Две главные проблемы, возникающие при бартере, – проблема неделимости и проблема несовпадения потребностей. Если Смит изготовил плуг, за который он хотел бы получить *несколько* нужных ему вещей (например, муку, мясо и одежду), то как он может это проделать? Он же не может разломать плуг и отдать одну его часть фермеру, а другую – портному. Но даже в тех случаях, когда товары являются физически делимыми, вообще говоря, крайне невероятно, чтобы обе обменивающиеся стороны встретились между собой за приемлемое время. Предположим, что у *А* есть овощи, а у *Б* – пара сапог. Как они могут прийти к соглашению, если *А* захочет получить не обувь, а одежду? Или представим себе преподавателя экономической теории, который вынужден

искать пекаря. Для того чтобы обмен состоялся, этот пекарь должен хотеть взять несколько уроков (причем именно экономической теории) в обмен на свои изделия. Любой преподаватель экономической теории скажет, что в условиях прямого обмена невозможна никакая цивилизованная экономика!

3. Косвенный обмен

Пробуя и ошибаясь, люди обнаружили способ, который позволил им осуществлять экономическую деятельность и даже расширять ее масштабы. Этот способ – косвенный обмен.

При косвенном обмене вы продаете ваш продукт не за те товары, в которых прямо нуждаетесь, а за некие другие товары. После этого вы отдаете эти другие товары в обмен на те, которые действительно нужны вам.

На первый взгляд это кажется какой-то неуклюжей, окольной операцией. Но в действительности это удивительный инструмент, делающий возможным развитие цивилизации.

Рассмотрим случай, когда *А*, фермер, хочет купить сапоги, изготовленные сапожником, *Б*. Предположим, что *Б* не нужен хлеб и он не желает менять сапоги на хлеб. Фермер, выяснив у *Б*, что ему нужно, узнает, что ему нужна, скажем, рыба. Тогда *А* выменивает за свой хлеб у рыбака *В* его рыбу, после чего отдает эту рыбу *Б* в обмен на сапоги. Он сначала

покупает рыбу не потому, что она нужна лично ему, а потому, что это позволит ему получить сапоги.

Точно так же обстоит дело в примере с неделимым изделием. Смит (владелец плуга) продаст его за такой товар, который ему будет легче разделить и продать – скажем, масло, – и затем, разделив это масло на части, обменивает их на муку, мясо, одежду и т. д.

В обоих случаях преимуществом рыбы и масла (и причиной дополнительного спроса на них) является их большая обмениваемость. Если один товар обладает большей обмениваемостью, чем другие, иными словами, если все уверены, что этот товар продать легче, чем другие, то в этом случае и спрос на него будет большим, ведь его будут использовать в качестве средства обмена. Именно он станет тем средством, с помощью которого человек, освоивший определенное ремесло, сможет обменивать свой продукт на товары людей, владеющих другими умениями и навыками.

Для природы, как мы знаем, характерно огромное разнообразие условий и ресурсов. Не меньшее разнообразие наблюдается и среди людей. Точно так же обстоит дело и с обмениваемостью товаров. Некоторые товары пользуются более широким спросом по сравнению с другими. Некоторые легче делятся на части без потери ценности. Некоторые служат дольше других. Некоторые проще перевозить на дальние расстояния. Каждое из этих преимуществ способствует повышенной обмениваемости. Очевидно, что в любом обще-

стве в качестве средства для обмена постепенно будут выбираться наиболее реализуемые товары. По мере того, как будет расширяться их признание в качестве такого средства, спрос на них будет увеличиваться, и они станут еще более реализуемыми. Результатом будет самоусиливающаяся положительная обратная связь: бо́льшая обмениваемость становится причиной более широкого использования в качестве средства обмена, что приводит к еще большей обмениваемости и т. д. В конце концов, остается один или два товара, которые используются людьми как общие универсальные средства обмена практически во всех обменных актах. Эти-то товары и называются деньгами.

Исторически в качестве средств обмена использовались различные товары: табак в Вирджинии колониальных времен, сахар в Вест-Индии, соль в Абиссинии, скот в Древней Греции, гвозди в Шотландии, медь в Древнем Египте, а также зерно, бусы, раковины каури и рыболовные крючки. Со временем роль денег стали выполнять два металла, вытеснившие другие товары в ходе многовековой конкуренции на свободном рынке, – золото и серебро. Оба металла обладают уникально высокой степенью обмениваемости. Они пользуются устойчивым спросом в качестве материала для украшений и отличаются всеми другими необходимыми качествами. Не так давно серебро, которое является менее редким, чем золото, считалось более пригодным для небольших обменов, а золото – более удобным для крупных сделок. В

конечном счете важно то, что независимо от причин, по которым это произошло, свободный рынок признал золото и серебро наиболее эффективными видами денег.

Этот процесс – кумулятивное развитие средства обмена на свободном рынке – представляет собой единственный способ, которым товары могут утвердиться в денежном качестве. Деньги не могут возникнуть никаким иным способом. Они не могут появиться, если все вдруг решат начать делать деньги из какого-нибудь бесполезного материала. Они не могут возникнуть вследствие принятия государственного акта, в котором «деньгами» будут именоваться кусочки бумаги¹.

Дело в том, что наличие спроса на денежный товар в отличие от спроса на товары для непосредственного использования предполагает, что люди имеют представление о денежных ценах ближайшего прошлого. Но такое представление может возникнуть только в том случае, если все начинается с некоего полезного товара и бартера с последующим увеличением спроса на этот товар, но предъявляемого уже как на средство обмена. Этот добавочный спрос «прибавляется» к начальному спросу на товар, который предназначен для непосредственного использования. Например, спрос на золото как на средство обмена возникает как добавочный по

¹ [Ошибка государственной теории происхождения денег связана с тем, что после того, как некий товар утверждается в качестве денег в ходе свободной конкуренции, государство имеет техническую возможность – и пользуется ею – *удостоверять* подлинность денег. Насильственная монополизация процесса такого удостоверения и ее последствия разбираются автором ниже. – *Прим. науч. ред.*]

отношению к первоначальному спросу на золото как на материал для украшений². Таким образом, государство бессильно создать деньги; они могут возникнуть только в ходе обменов, совершаемых на свободном рынке.

Важнейшая истина, вытекающая из нашего обсуждения, заключается в том, что деньги – это товар. Усвоение этого простого урока является одной из самых важных задач в мире. Как часто люди считают деньги чем-то большим или чем-то меньшим!

Деньги – не абстрактная единица учета, существующая отдельно от конкретного товара. Они не являются бесполезными жетонами, пригодными только для обмена. Они – не некие «требования к обществу». Деньги – не гарантия фиксированного уровня цен. Это просто товар. Деньги отличаются от других товаров только тем, что они пользуются спросом главным образом как средство обмена. Но помимо этой особенности они являются товаром.

Как и все товары, они характеризуются наличием определенного запаса. Люди предъявляют спрос на покупку этого товара и на обладание им. Как и для обычных товаров, «цена» денег – выраженная в других товарах – определяется соотношением их совокупного предложения, или запаса, и совокупного спроса на их покупку и хранение. Люди «покупа-

² О происхождении денег см.: Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика, 1992. С. 217–242; Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Москва; Челябинск: Социум, 2012.

ют» деньги путем продажи за них своих товаров и услуг, а покупая товары и услуги, они «продают» деньги.

4. Значение денег

Возникновение денег стало великим благом для человеческой цивилизации. Без денег, без этого общего средства обмена, не могло бы существовать настоящей специализации, не могла бы появиться развитая экономика. Экономическое развитие не пошло бы далее скудного, примитивного уровня. С появлением товара под названием «деньги» исчезают проблемы неделимости и «несовпадения потребностей», так досаждавшие бартерному обществу. Теперь Джонс сможет нанять рабочих и заплатить им... деньгами. Смит отдаст сделанный им плуг в обмен на единицы... денег. Денежный товар делим на мелкие единицы и принимается всеми. Это означает, что все товары и услуги продаются за деньги, после чего деньги вновь используются для покупки других нужных людям товаров и услуг. Благодаря деньгам может быть сформирована развитая «структура производства», в рамках которой земля, услуги труда и капитальные товары совместно участвуют в развитии производства на каждой его стадии и получают платежи деньгами.

Появление денег приносит огромную пользу еще одного рода. Так как все обмены осуществляются в деньгах, то все меновые отношения выражены в деньгах. Тем самым люди

получают возможность сравнить рыночную стоимость каждого товара со стоимостью любого другого товара. Раз телевизор обменивается на 3 унции золота, а автомобиль обменивается на 60 унций золота, то каждый понимает, что на рынке один автомобиль «стоит» 20 телевизоров. *Эти меновые отношения и есть цены*, а денежный товар служит общим знаменателем для всех цен. Только установление денежных цен на рынке создает условия для развития цивилизованной экономики, поскольку только они позволяют предпринимателям производить экономические расчеты. Теперь предприниматели могут судить о том, насколько хорошо они удовлетворяют потребности потребителей, сравнивая цены, по которым продают свою продукцию, с ценами на факторы производства (своими «затратами»). Так как все эти цены выражены в деньгах, предприниматели могут установить, получают ли они прибыль или терпят убытки. Именно этими расчетами руководствуются предприниматели, работники и землевладельцы в своем стремлении получить денежный доход. Только с помощью таких расчетов ресурсы распределяются по наиболее производительным способам их использования, т. е. по таким, которые в наибольшей степени удовлетворяют нужды потребителей.

Во многих учебниках по экономике утверждается, что деньги выполняют несколько функций. Деньги являются и средством обмена, и единицей учета, и «мерой ценности», и «средством сохранения ценности» и т. д. Однако все эти

функции являются простыми следствиями одной главной: служить средством обмена. Именно в силу того, что золото является общепринятым средством обмена, т. е. обладает наибольшей обмениваемостью, его можно хранить с тем, чтобы использовать в качестве средства обмена в будущем, точно так же, как оно используется в настоящем. Именно поэтому все цены выражаются в единицах золота³. Поскольку золото является товарным посредником для всех обменов, оно может служить в качестве единицы учета для настоящих и ожидаемых будущих цен. Важно понять, что деньги не могут быть абстрактными единицами учета или прав требования. Они являются таковыми только в той мере, в какой служат в качестве средства обмена.

5. Денежная единица

Теперь, когда мы поняли, как появились деньги и что они порождают, мы можем спросить себя: как используется денежный товар? Или, говоря более конкретно, что представляет собой денежный запас, или общий объем предложения денег в обществе, и как устроен денежный обмен?

Прежде всего отметим, что большинство товаров торгуются на вес. Вес является отличительным признаком материальных товаров, поэтому торговля ведется в таких едини-

³ Деньги не «измеряют» цены или ценность; они являются общим знаменателем для их выражения. Цены выражаются в деньгах, а не измеряются ими.

цах, как тонны, фунты, унции, граны⁴, граммы и т. д.⁵ Золото не является исключением. Золото, подобно другим товарам, будет торговаться в единицах веса⁶.

Очевидно, что размерность общей единицы, избранная для применения в торговле, для экономиста не имеет значения. В одних странах люди используют метрическую систему и предпочитают считать в граммах; в других, таких как Англия или Америка, – в гранах или унциях. Все единицы веса легко переводятся из одной в другую: 1 фунт равен 16 унциям; 1 унция равна 437,5 грана, или 28,35 грамма и т. д.

Предполагая, что в качестве денег выбрано золото, мы считаем несущественным вопрос о размерности золотой единицы, используемой в расчетах. Джонс может продать куртку за одну унцию золота в Америке или за 28,35 грамма во Франции. Обе цены идентичны.

Может показаться, что мы обсуждаем очевидные вещи. Но скольких бедствий можно было бы избежать, если бы люди полностью осознавали эти простые истины! Например, почти все думают о деньгах, как о различных абстрактных единицах, каждая из которых характерна для определенной

⁴ [Гран – мера веса, = 0,065 г. – *Прим. пер.*]

⁵ Даже когда товары номинально обмениваются на основании единиц объема (кипа, бушель и т. д.), неявно предполагается, что единица объема имеет стандартный вес.

⁶ Одним из главных достоинств золота является его однородность: в отличие от многих других товаров оно не имеет отличий в качестве. Унция чистого золота равна любой другой унции чистого золота во всем мире.

страны. Даже во времена золотого стандарта люди мыслили так же. Даже тогда американскими деньгами были «доллары», французскими – «франки», немецкими – «марки» и т. д. Признавалось, что все национальные валюты «привязаны к золоту», но при этом все они рассматривались как суверенные и независимые. Это обстоятельство, кстати, позже облегчило странам отказ от золотого стандарта. Однако все эти наименования были просто названиями единиц веса золота и серебра.

Британский фунт стерлингов первоначально обозначал вес фунта серебра. А что такое доллар? Вначале доллар являлся общепринятым названием веса унции серебра, чеканившейся в XVI в. фон Шликом, богемским графом. Граф фон Шлик жил в местности, носившей название долина св. Иоахима, или по-немецки Joachimstal (от имени Joachim и слова Tal, означающего по-немецки «долина»). Монеты графа заработали высокую репутацию в силу их единообразия и чистоты металла. Их называли «Joachim's taler», или просто «талеры». От этого слова («талер») и произошло слово «доллар»⁷.

Таким образом, на свободном рынке различные названия денежных единиц являются просто определениями единиц веса. Когда до 1933 г. у нас в США существовал золотой

⁷ [Существует альтернативное объяснение происхождения названия «талер». Согласно ему, слово «талер» более древнее и восходит к немецкому der Teil – часть. – *Прим. науч. ред.*]

стандарт, люди часто говорили, что «цена золота» «зафиксирована на уровне двадцати долларов за унцию золота». Но такой взгляд на наши деньги способствовал опасным заблуждениям. В действительности доллар был определен как название такого количества золота, которое весило примерно $\frac{1}{20}$ унции. Именно поэтому все разговоры о «курсах обмена» валюты одной страны на валюту другой вводили людей в заблуждение. «Фунт стерлингов» на самом деле не «обменивался» на 5 «долларов»⁸. Доллар был определен как $\frac{1}{20}$ унции золота, а фунт стерлингов в то время был определен как название для приблизительно $\frac{1}{4}$ унции золота. Вот почему фунт стерлингов «продавался» за 5 долл., — $\frac{1}{4}$ унции золота просто меняли на $\frac{5}{20}$ унции золота. Ясно, что такие «обмены» и такая путаница названий сбивали с толку и вводили в заблуждение.

Ниже, в главе о вмешательстве государства в систему денежного обмена, мы покажем, как возник этот сумбур. На абсолютно свободном рынке золото бы обменивалось просто как «граммы», граны или унции, и все эти сбивающие с толку названия, все эти «доллары», «франки» и т. п. были бы излишними. Поэтому в этом разделе мы будем считать, что деньги обмениваются непосредственно в граммах или гра-

⁸ В действительности фунт стерлингов обменивался на 4,87 долл., но мы используем цифру 5 долл. для простоты расчетов.

нах.

Очевидно, что в качестве общепринятой единицы рынок выберет наиболее удобный вес денежного товара. Если бы деньгами была платина, вероятно, она торговалась бы долями унции; если бы использовалось железо, то счет шел бы на фунты или тонны. Для экономиста масштаб денежной единицы не имеет значения.

6. Форма денег

Если масштаб и наименование денежной единицы не имеют экономического значения, то этого нельзя сказать о форме денежного металла. С того момента, когда товары из некоего металла становятся деньгами, весь доступный людям запас металла образует мировой запас денег. Не имеет значения, в какой форме находится весь этот металлический фонд. Если деньгами является железо, то деньгами является все железо независимо от того, существует ли оно в форме брусков или воплощено в деталях сложных механизмов⁹. Золото использовалось в качестве денег в виде самородков, золотого песка и даже в виде ювелирных украшений. Не должно вызывать удивления, что золото или другие деньги могут торговаться, пребывая в самых разных формах, поскольку единственной важной характеристикой является их вес.

Следует, однако, признать, что одни формы часто более

⁹ Железные мотыги активно использовались в качестве денег в Азии и Африке.

удобны, чем другие. В течение веков для обслуживания мелких повседневных сделок золото и серебро использовались в форме монет, а для крупных сделок – в виде больших брусков. Из остального золота изготавливались ювелирные украшения и другие драгоценности. Любое преобразование металла из одной формы в другую требует затрат времени, усилий и других ресурсов. Выполнение этой работы – такой же бизнес, как и любой другой. Цены на эти услуги будут устанавливаться так же, как обычно. Многие согласны с тем, что изготовление ювелирами украшений из самородного золота законно. Но люди часто отрицают применимость этого принципа к изготовлению монет. Однако на свободном рынке чекан монет представляет собой, по сути дела, такой же бизнес, как и любой другой.

Во времена золотого стандарта многие монеты считались в некотором смысле более «настоящими» деньгами, чем простые, не отчеканенные золотые «слитки» (в форме брусков, болванок или в любой другой). Действительно, монеты включали в себя премию по сравнению со слитком, но причина была не в неких мистических свойствах монет. Просто изготовить монеты из слитка стоит дороже, чем переплавить монеты в слиток. Вследствие этой разницы на рынке монеты ценились выше¹⁰.

¹⁰ [На наш взгляд, это объясняется дополнительной ценностью монет, премией, связанной с экономией на взвешивании и удостоверении пробы, а уже эта добавочная ценность делает экономически оправданной соответствующие затраты. – *Прим. науч. ред.*]

7. Частный чекан монет

Идея частной чеканки сегодня кажется настолько странной, что ее стоит подвергнуть тщательному исследованию. Мы привыкли думать о чеканке монеты как о неотъемлемом «атрибуте власти». Но в конце концов мы – американцы, граждане республики, и именно поэтому не разделяем теории «королевской прерогативы». Кроме того, именно в соответствии с американской политической концепцией источником власти является не государство и его институты, а народ.

Как мог бы функционировать частный чекан? Мы уже отвечали на этот вопрос – так же, как функционирует любой другой частный бизнес. Каждый монетчик производил бы монеты такого веса и формы, которые в наибольшей степени устраивали бы потребителя. Цены на монеты устанавливались бы в ходе свободной рыночной конкуренции.

Обычное возражение на это состоит в том, что тогда при каждой сделке возникнет слишком много сложностей с определением веса и пробы этих изготовленных частным образом кусочков золота. Но что может помешать монетчикам ставить на свои изделия штамп с указанием веса и пробы? Частный мастер может гарантировать качество своих монет ничуть не в меньшей степени, что и государственный. Изношенные кусочки металла не принимались бы в этом случае

за полноценные монеты. Люди использовали бы монеты тех мастеров, продукция которых имеет наиболее высокую репутацию благодаря своему качеству. Выше мы видели, что именно так из всех европейских монет выделился предок доллара, – талер – конкурентоспособная серебряная монета.

Оппоненты частного чекана предсказывают широкое распространение мошенничества. Но эти же оппоненты склонны доверить осуществление чекана монет государству. Однако, если государству вообще можно доверять, тогда не подлежит сомнению, что в условиях частного чекана государству можно было бы доверить и предотвращение мошенничества, а также наказание мошенников.

Считается, что именно предотвращение и наказание мошенничества, воровства и других преступлений является оправданием самого существования государства. Но если государство не может арестовать преступника в условиях, когда общество доверяет частному чекану, то как можно рассчитывать на надежность процесса изготовления денег, когда мы отказываемся от честности частного рынка в пользу государственной монополии?

Если государству нельзя доверить поимку случайного преступника на свободном рынке монетного чекана, то почему ему можно доверять в ситуации, когда у него в руках оказывается полный контроль над деньгами?

Ведь тогда государство, став единственным оператором рынка, станет и единственным потенциальным нарушите-

лем. Оно к тому же будет иметь освященную законом санкцию на нарушения. Государство в этих условиях сможет спокойно снижать ценность монет, подделывать их и применять другие недозволенные методы, не имеющие шансов на успех в условиях свободного рынка.

Говорить о том, что государство должно обобществить всю собственность для того, чтобы помешать кражам, есть очевидная глупость. Однако в основе идеи насильственного прекращения частного производства монет лежит точно такая же логика.

Кроме того, стоит напомнить, что практика гарантирования стандартов лежит в основе буквально всех видов бизнеса. Аптеки продают лекарства в пузырьках по 8 унций, говядина продается в однофунтовой расфасовке. Покупатели ожидают соблюдения стандартов веса, и эта гарантия действительно соблюдается. Вспомним о миллионах видов выпускаемой сегодня промышленной продукции, удовлетворяющей весьма жестким спецификациям и требованиям стандартов. Покупатель болта диаметром $1\frac{1}{2}$ дюйма получит именно полудюймовый болт, а не болт диаметром $\frac{3}{8}$ дюйма.

И несмотря на наличие этого обстоятельства, бизнес не рухнет. Немногие считают, что государство для исполнения своей функции защитника стандартов от подделок должно национализировать машиностроительные предприятия. Современная рыночная экономика состоит из беско-

нечно большого числа сложнейших обменных цепочек, которые решающим образом зависят от соблюдения стандартов количества и качества. Мы видим, что на практике мошенничество сведено к минимуму, да и эти немногочисленные случаи выявляются и преследуются по закону, по крайней мере теоретически. С частным чеканом было бы то же самое. Мы можем быть уверены, что клиенты частного монетчика (а также его конкуренты) внимательнейшим образом будут отслеживать каждый случай мошенничества с весом или пробой производимых им монет¹¹.

Сторонники установления государственной монополии на изготовление монет указывают на то, что деньги отличаются от других товаров. Они ссылаются при этом на «закон Грэшема», утверждая, что, согласно этому закону, в процессе обращения «плохие деньги вытесняют хорошие». Поэтому, говорят они, свободному рынку нельзя доверять обеспечение общества хорошими деньгами.

Эта формулировка основана на неверной интерпретации знаменитого закона Грэшема. В действительности этот закон звучит следующим образом: «Деньги, искусственно переоцененные государством, вытесняют из обращения деньги, искусственно недооцененные им».

Предположим, например, что в обращении находятся зо-

¹¹ См.: *Spencer H. Social Statics*. New York: D. Appleton & Co., 1890. P. 438. [*Спенсер Г. Политические сочинения*: в 5 т. Т. II: Социальная статика: изложение общих законов, обуславливающих счастье человечества. М.; Челябинск: 2014. С. 418.]

лотые монеты, каждая из которых весит одну унцию. Через несколько лет в силу естественного снашивания некоторые монеты станут весить, скажем, 0,9 унции. Очевидно, что на свободном рынке за 100 изношенных монет будут давать только 90 полноценных. Иными словами, изношенная монета будет воплощать в себе только 90 % ценности полновесной монеты. Это означает, что при обменах номинальная ценность изношенных монет перестанет приниматься во внимание¹². Если уж на то пошло, то именно «плохие» монеты будут удалены с рынка.

Ситуация кардинально меняется, если неким государственным актом установлено, что каждый *должен* считать изношенные монеты полностью равными полновесным монетам и *обязан* принимать их к оплате наравне с полновесными. Что в действительности сделало государство этим актом? Оно принудительно ввело государственное регулирование цен, вмешавшись в процесс установления «обменных курсов» двух типов монет. Настаивая на обмене по номиналу в ситуации, когда изношенные монеты обмениваются с 10 %-ной скидкой, государство искусственно завышает ценность изношенных монет и недооценивает новые. Следовательно, в обменах все будут пользоваться изношенными монетами,

¹² Для решения проблемы износа частные монетчики могут либо устанавливать временной лимит на клеймо, гарантирующее вес, либо соглашаться заново перечеканивать монеты, сохраняя или уменьшая их вес. Мы можем отвлечься от того факта, что в свободной экономике не будет принудительной стандартизации монет, существующей при государственной монополии на управление деньгами.

предпочитая накапливать или экспортировать новые, полноценные монеты. А на свободном рынке «плохие деньги» во все не вытесняют «хорошие». Закон Грэшема представляет собой непосредственный результат государственного вмешательства.

Несмотря на бесконечные притеснения со стороны государства, порождавшие чрезвычайную нестабильность рыночных условий, на протяжении человеческой истории частные системы предложения денег неоднократно испытывали периоды настоящего процветания. В полном соответствии с законом, согласно которому источником всех новшеств является не государство, а свободные индивиды, первые монеты были отчеканены частными лицами и частными ювелирами. На самом деле, когда правительство впервые начало пытаться монополизировать чеканку монет, королевские монеты опирались на гарантию частных банкиров, которым публика доверяла гораздо больше, чем правительству. В Калифорнии золотые монеты частной чеканки обращались до 1848 г.¹³

¹³ Исторические примеры частного чекана см.: *Barnard B. W. The Use of Private Tokens for Money in the United States // Quarterly Journal of Economics* (1916–1917). P. 617–626; *Conant C. A. The Principles of Money and Banking. Vol. I. New York: Harper Bros., 1905. P. 127–132; Spooner L. A Letter to Grover Cleveland. Boston: B. R. Tucker, 1886. P. 79; Laughlin J. L. A New Exposition of Money, Credit and Prices. Vol. I. Chicago: University of Chicago Press, 1931. P. 47–51. О чекане монет см. также: *Mises. Op. cit. P. 65–67; Cannan E. Money. 8th ed. London: Staples Press, Ltd., 1935. P. 33 ff.**

8. Проблема «правильного количества» денег

Теперь мы можем вернуться к вопросу: из чего складывается совокупное предложение денег в обществе и как это предложение используется? В частности, мы можем задаться вечным вопросом: сколько денег «нам надо»? Следует ли регулировать предложение денег в соответствии с неким «критерием» или в решении этой задачи можно положиться на свободный рынок?

Во-первых, в каждый данный момент времени совокупным запасом или предложением денег в обществе является общий вес существующего денежного материала. На данном этапе изложения предположим, что в роли денег в ходе конкуренции на свободном рынке утвердился только один товар. Предположим далее, что этим товаром является золото (мы могли бы в качестве примера взять и серебро, и даже железо, но в действительности не «мы», а рынок выбирает наиболее подходящий товар для использования в качестве денег). Форма золота не имеет значения, кроме тех ситуаций, когда затраты, связанные с каким-то определенным преобразованием золотого материала, превышают затраты на другой вид воздействия на него (например, когда затраты на чеканку выше, чем на переплавку). В этом случае в качестве расчетной денежной единицы рынком будет выбрана одна из

форм золотого материала. Использование других форм будет сопровождаться премией или скидкой в зависимости от определяемых рынком относительных затрат на их производство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.